

с
МБЗ

Мириан
Мирнели

СОЛНЦЕ
в
тростниках

12799

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

28/886-258	29/887-508	
2/686-562	9/887-695	
1/686-181	4/888-548	
1/11-96-1522	22/1113-1878	
4/11-7-284	14/1105-2001	
2/11-37-404		
9/11-37-454		

Таш. тип. № 3, деп. № 2

10/11-37-558

с
М63

Мириан Мирнели

СОЛНЦЕ в тростниках

СТИХИ

Перевод с грузинского
ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

х
5814-5662
1985
Мирнели

МОСКВА • СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1983

Грузинский поэт Мириан Мирнели живет в Абхазии, в его творчестве неразрывно слились традиции грузинской и абхазской поэзии.

Лучшие стихотворения М. Мирнели отличаются художественной наполненностью, своеобразной поэтической манерой: автор погружает своего лирического героя в природу, тем самым разрешая ему говорить от ее имени языком окружающего мира, который и становится «словом» поэта.

Художник ВИКТОР ВИНОГРАДОВ

* * *

Жизнь — очень длинная дорога,
и в череде контрастных дней
событий, самых разных,

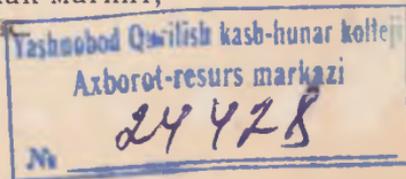
МНОГО

подстерегает нас на ней.
Иные входят очень прочно
и в нашу душу и в судьбу:
так разорвавшаяся почка
листом останется в саду.
Как молнии, сверкнут другие
и канут в бездну прошлых лет...
И мучит нас, как ностальгия,
их призрачный ушедший свет.
И все-таки мы верим в чудо,
нас это с юностью роднит.

Весна! Не уходи, покуда
не брызнет главный мой родник.

РОДНИК

Родник журчаньем всех пленит,
ведет он свой рассказ
без усталости и, как магнит,
притягивает нас

Девчонка пленною рабой
к нему наклонена...
Нарцисс с косичками! — собой
любуется она.

Не избежал хрустальных чар
джигит, прервавший путь,
не жажду, а желанья жар
пытаясь обмануть.

Родник журчаньем всех пленит,
ведет он свой рассказ
без устали и, как магнит,
притягивает нас.

И мир над родником столик,
стозвучен, как всегда.

Но он для избранных — родник,
для остальных — вода.

* * *

Сяду в поезд... Лишь стоит решить.
Сяду в поезд... А как же иначе?
Сяду в поезд, и будут кружить
города, и деревни, и дачи.

А потом вдруг возьму и сойду
на один из случайных перронов,
чтоб взглянуть на дорогу свою,
на качанье зеленых вагонов.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Исполнилось позавчера мне
столько ночей и дней,
сколько выбито в камне
над могилой твоей.

В день моего апреля,
пятнадцатого числа,
беспечность во мне отпела,
мудрость ко мне пришла.

Я понял: жила ты мало,
жила ты лишь для меня...
Стал старше тебя я, мама,
на три полновесных дня.

Раньше не понимал я
чьей-то боли чужой...

Теперь понимаю, мама,
раненою душой.

Боль в моем сердце

светит,

боль — память и боль — звезда...

Покуда живу на свете,
со мною она всегда.

Как глаз дорогих сиянье
сквозь горечи знойный дым,
как те твои заклинанья
над давним детством моим:

«Над красной водою,
над разной бедою
мостик белый-пребелый

я проложила.

Ни одна из ста ножек
тебе не поможет, —
поскользнешься на нем ты,
фу,

нечистая сила!

Мостик белый-пребелый,
все по-моему сделай,
ты, надежда моя, от всего защити.
Фу,
нечистая сила,
не крутись возле сына,
фу,
нечистая сила,
прочь от нас уходи!
Фу!»

Исполнилось позавчера мне
столько ночей и дней,
сколько выбито в камне
над могилой твоей.
В день моего апреля,
пятнадцатого числа,
беспечность во мне отпела,
мудрость ко мне пришла.
Стал старше тебя я, мама,
на три промелькнувших дня...

Так пусть твои заклинанья
и дальше хранят меня!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЕ СЕЛО

Я иду, вдыхая детства дым,
и на полпути к родному дому
чувствую себя вдруг молодым...
Треплет кукурузную солому
ветер, мне знакомый с давних пор,
и на каждой постаревшей ветке
птицы продолжают разговор

нескончаемый, как две моих соседки.
Свечи строгих стройных тополей
для меня и ныне не померкли,
узнаю лицо своих полей,
ибо мерю все по сельской мерке.
Ибо верю мудрости села,
оттого иду легко и смело.
Эта местность крылья мне дала,
чтоб в полете я не знал предела.
И теперь через десятки лет
обступили люди, как деревья,
чтобы я держал за все ответ,
саженец — надежда всей деревни.
Не смутил меня ничей вопрос,
ни двусмысленный, ни откровенный:
я сюда свой огонек принес,
маленький, а все же вдохновенный.
Сколько их осталось позади,
тех ночей, тревожных и бессонных!..
Прошное встает в моей груди,
словно горы в молниях скрещенных.
Вижу в чистом зеркале села,
силу крыльев ощущая снова,
жизнь свою,
и мир весь,
и себя,
обновленного и молодого.

* * *

Весной, когда кукушка закукует
и точат пахари ножи плугов,
когда в ущелье водопад ликует
и гонит с песней пастушок быков;

* * *

На ветке той птичка недавно сидела,
и малые крылья ее трепетали,
она так безумно, неистово пела,
как будто ей голос все стаи отдали.

Но вдруг иступленный напев прекратился,
наверное, петь она больше не хочет...
На эту же ветку дрозд примостился,
повис, как глазастый живой колокольчик.

Пустой не бывает душистая клетка, —
и вслед за дроздом там ворона застыла...

...Ответь мне, вишневая белая ветка,
кому ты цветенье свое посвятила?

* * *

Как облака торжественны
над тихим сном земли!
Ах, этот миг божественный —
рождение зари!
Блик солнечного отсвета
на темном небе встал...
Как партитура Моцарта
звучанье птичьих стай.
И звоном злака спелого
бьет солнечный набат...

Рожденье утра белого
благословить я рад.
Лучей горячих шествие
над тихим сном земли...

Ах, этот миг божественный —
рождение зари!

* * *

Рассвело!..
Это ветер без слов произнес,
на мгновение крылья сложив,
и цветущую ветку свою абрикос
тянет в небо, как праздничный

майский мотив.

Рассвело!..
И в преддверии нового дня
испарился белесый туман...
И вершина надвинулась вдруг на меня,
как единственный кадр,
заслонивший экран.

УТРО В АЛАЗАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Утро целит в Алазани¹
солнечные стрелы,
чтобы в волнах поплясали
и остались целы.

¹ Алазани — река в Грузии.

Ее не извела работа,
он приласкал свой виноград,
словно побитого ребенка,
который был не виноват.
И вмиг к нему склонились лозы,
листвою нежно шелестя...
Светились ягоды, как слезы
у благодарного дитя.

* * *

Не избавиться от ветра,
воет он, как зверь от раны,
в сохнувшей черкеске деда
он проверил все карманы.

Не избавиться от ветра,
он жужжит, как рой осиный...
Тополь гнется, словно ветка,
под таинственной силой.

Не избавиться от ветра,
он всем миром верховодит,
от заката до рассвета
все визжит, жужжит и воет.

Я, считая дуновенья,
на вопрос ищу ответа:
обратит куда деревня
взгляд, когда не станет ветра?

АНГЕЛ КИНЦВИСИ¹

На куполе храма ветер затих,
кизил заслони́л поднебесные выси,
вздыхают ткемали в белых соцветьях своих —
спит ангел Кинцвиси...

Спи, ангел Кинцвиси!

Спокоен его нескончаемый сон,
над ликом нездешним туман остывает...
Прах фресок, как тайна прошедших времен,
на пламя чающих свечей оседает.
Вдруг словно природа замедлила бег,
и пристальных мыслей пробилась побеги:
я счастлив шагнуть — хоть на миг! —

в праправек,

хоть раз заглянуть под смеженные веки.

Свече так тепло и так больно гореть,
в дожде словно небо само зазвучало...

Сон ангела — самая сладкая смерть,
в которой слились и конец и начало.

На куполе храма ветер затих,
кизил заслони́л поднебесные выси,
вздыхают ткемали в белых соцветьях своих —
спит ангел Кинцвиси...

Спи, ангел Кинцвиси!

Спи в тесном просторе кинцвисских молитв,
спи долго-предолго, сейчас и вовеки...
А солнце над Грузией ни на миг
не опускает горячие веки.

¹ Кинцвиси — древнейший храм в Грузии.

* * *

Когда наступает вечер
и по двору бродит лениво,
куры плодами заморскими
висят на ореховых ветках,
и нету конца их дреме...
Когда наступает вечер,
двор полон смеха и шума,
поскольку детей здесь много...
Клокочет молочный ливень,
стучит по дереву катхи¹,
а мать говорит ребенку:
«Уйди от рогов коровы...»
Глава семьи, опьяненный
лепетом младшей дочки,
колет дрова для печки...
Словом, когда под вечер
дом полон всплесками жизни,
хочу быть его главою,
главою такого дома,
в котором никто не просит
и толики малой у бога!

* * *

Птичка-невеличка, кто велит
под окном вершить полет бесовский?
Как и ты, мой дворик невелик,
невысок забор — еще отцовский.

¹ Катха — подойник.

Я тебе не причину беды,
не мечись с полубезумным взором!
Если хочешь пить, налью воды,
если голодна, насыплю зерен.

Помогу тебе во всем, как друг,
если твой недуг обыкновенный,
если ты не потеряла вдруг
чувство бесконечности вселенной.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Все заполнила белая краска
меж землею и облаками,
лишь над крышами зимняя сказка
ледяными стучит каблучками.
Тишиною заряжено небо,
шлет снежинки из бездны безбрежной,
и на них одноглазо и слепо
смотрит старый колодец с надеждой.
Ах, снежинка — лучинка всего лишь
в мире белого-белого снега!..
А мяуканье кошки продрогшей —
это просто нездешнее эхо.
Колорита придал и уюта
нашей улице снег и соседней...

Бесконечная рукопись чуда,
где нет места для точки последней.

У снега так глаза блестят,
что кажется, сейчас
пожара искры полетят
из этих ярких глаз.
Мой Зурик просится во двор,
и отпускаю я
его туда, под снежный взор,
где ждут его друзья.
И вот он в белизне двора,
свободный мой малыш.
Все для него из серебра:
и двор, и горы крыш.
И целый мир открыть он рад
в далеком далеке...
Снежинки белые дрожат
на маленькой руке.
И совладать уже невмочь
ему с собой самим:
деревьям хочет он помочь,
под снегом тяжело им.
Я из окна за ним слежу
и слышу звонкий смех...
Как утро, след его в снегу,
он сам — как первый снег.
К истоку новых ярких зим,
красив, как Новый Год,
идет ребенок, рядом с ним
пречистый снег идет.

* * *

Снег идет...

Словно небо, сквозь сито себя пропуская,
устремилось к земле, белизною внезапной пугая
человека, спешащего вдаль сквозь пургу...

Снег летит,
как мука ледяная Вселенной...

И вряд ли
отгадать нам дано: заметут, пощадят ли
эти белые россыпи след человека в снегу?..

* * *

Хрупки и небо и земля...

Эй, осторожней, брат!

Снежинки белые, смотри,
за море летят.

Эй, брат, дорогу различай
и зорче будь во мгле,
чтоб больно не было вовек
ни небу, ни земле.

Вся вдохновения полна,
зима юна вполне,
и море дышит в тишине,
как девушка во сне.

Кто стер грань неба и земли?

Ответь скорее, брат!

Снежинки белые летят,
в моей душе летят...

И хрупкий воздух всколыхнул
морозное тепло,
и надо мной он развернул
белое крыло.

№

6662

Хрупки и небо и земля...
Эй, осторожней, брат!
Снежинки белые, смотри,
за море летят.

* * *

Небо опустилось к белым кручам,
там уютней стало черным тучам,
и сосульки на ветвях длинны...
В мире леденящей белизны,
в яростном, бушующем, колючем,
не пойму тебя, зима, совсем:
слезы навязала ты зачем
моим ивам,
без того плакучим?

ЗИМНЯЯ КАРТИНКА

Лист дрожит, одинокий на зимнем ветру,
бьется он в беспощадном ознобе,
лист дрожит, но цепляется за кору,
лист не хочет замерзнуть в сугробе.

Он пытается легкую плоть удержать,
как ни злобствуют ветры тугие...

Он готов до скончания века дрожать,
чем века пребывать в летаргии.

* * *

Этой полночью как раз
в очаге огонь погас —
только угля горсть лежит...
Утро зимнее дрожит,
зуб на зуб не попадет...
Роется в седой золе
не оно — огромный кот,
опаленный старый кот...
И озноб сильнее бьет
это утро в феврале.

* * *

Снег таял...
А взгляду казалось —
жемчужный мерцающий свет...
Насмешливо солнце смеялось
на зимние всхлипы в ответ.

Снег таял в горах...
И в предгорья,
дробя на осколки лучи,
о чем-то гортанно глаголя,
стремительно мчались ручьи.

А лес, молчалив и печален,
готов был, проснувшись, вздохнуть...

И жгли поцелуи проталин
земную замерзшую грудь.

Апрельское солнце
по яблоням белым течет,
как мед,
наполняя земные горячие соты...
И нету счастливей на свете работы.

Апрельскому солнцу
от белого сада светло,
оно, как пчела, над цветами мохнато
кружится...
Так пусть же ему не мешает никто
к Земле,
как к заветному улью, стремиться!

СВЕТИЦХОВЕЛИ ¹

В глухой и первобытной мгле молчания
пречист волшебный и высокий дух свечи,
сгорающей в своей безмолвной боли.
И слезы восковые горячи,
сползающие тихо на кадило
и обнажающие все печали мира,
как ветер ветви голые в лесу.
Горит свеча...
И белый воск мерцает,
как преждевременный цветок в снегу,
и новорожденное пламя бьется
бессильным мотыльком
в бессмертье стен...
...О, храм святой,
твори свою молитву

¹ Древнейший грузинский храм.

и помяни меня в ней:
бьюсь я слепо,
как мотылек о стены, о любовь к тебе.

* * *

Как будто бы, юная, нежная,
грудь неба легла на луг:
вода заструилась вешняя
в каждой фиалке вдруг.

Там, где тропа пологая,
где крепок цветочный дух,
девочка босоногая
вприпрыжку думает вслух:

«Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!»

ВЕЧЕР В ГОРАХ

Смотрю в глаза холмам зеленым,
тропинка — прямо в облака...
На лике солнца раскаленном —
лесов прохладная рука.

Иду, хотя мой путь неведом,
лишь листьев шепот в тишине...
И вновь струится кровь по венам,
природой отданная мне.

* * *

Дождь весенний так спешит,
так спешит в горах пролиться,
раствориться в синеве...
Эхо горное дрожит,
как слезинка на ресницах,
как росинка на траве.

Дождь весенний льется вниз,
словно сумасшедший, льется...
В дробном зеркале дождя —
в небе — это я повис,
и на солнце — я повис,
как восставшая душа.

* * *

Что ж вы голову склоняете
перед зноем, тростники?
То ли дождик призываете,
то ль поникли от тоски...
И волос зеленых факелы
потускнели от жары...
Вы застыли, словно ангелы
на могиле у сестры.
Но жара, она не вечная,
потемнеют небеса,
вас спасет прохлада вечера
и звенящая роса.
Ветру полночи веселому
строй подставьте литой...

Не поднимет только голову
брат ваш, самый молодой!

Ночь.

Деревня.

Дома в темноте друг на друга похожи...

Вдоль домов тихо шествует захмелевший прохожий,
напевая негромко и страстно желая,
чтобы в доме любом дверь открылась любая
и любезный хозяин,

встав на пороге,
предложил бы вина ему
в праздничном роге.

РЕЧКА

Она не досаждала никому,
поэтому сама собой была:
внимание ей было ни к чему,
она спокойно, как текла, жила.
Но как-то пальцы дождь сквозь облака
просунул, это было в пору гроз,
и так захохотала вдруг река,
как будто он пощекотал ей нос.
Достала, продолжая хохотать,
из русла тело

грузное свое
и принялась на берегу топтать
траву, кусты,
деревья и жнивье.

Как лошадь, становилась на дыбы,
затеяла безумную игру,
кусала удила своей судьбы,
плясала на немислимом пиру.

Глумилась с перекошенным лицом,
мой виноградник унесла со зла...

Ах, глупая! Слыла ведь мудрецом,
пока жила спокойно, как текла.

* * *

Тысячи пчел налетели на луг,
тысячи пчел на его лепестках.
Жужжащая сеть их трепещет вокруг,
и бьется в ней утро,
как птица в силках.

ОДИНОКИЙ ПУТНИК

Шагает путник, сам не свой,
и у него над головой —
безжалостное солнце.
И мыслей комариный рой,
одурманенный жарой,
вокруг жужжит и вьется.

Зачем покинул он свой дом?
Куда идет, с таким трудом
передвигая ноги?
Зачем в пути он целый день?
И вслед за ним тоска, как тень,
плетется по дороге.

За поворотом поворот...
Его несет водоворот

сует, нелепиц разных.
Он думает о них весь путь,
порой стараясь ускользнуть
от мыслей неотвязных.

Не победить водоворот.
Наоборот, наоборот —
его он побеждает...
Рукою машет наш герой,
как будто комариный рой
от сердца отгоняет.

Но мысли, словно комары,
что ошалели от жары,
не думают убраться...
Пусть проиграл он этот бой,
он хочет лишь с самим собой
наедине остаться.

* * *

Где-то кукушка дробит на отдельные бусинки
свои бесконечные вечные четки «ку-ку»...
И по дороге, протяжной, как пение пахаря,
сани весны зелены в колокольцах ручьев.
Там, где погасший очаг был немым и безродным,
стук топора потревожил столетнюю пыль,
ту, что на тутовых ветках осела навеки...
Это работает плотник, его Гигашвили зовут.

...Нового феникса наша деревня встречает,
весь прокопчен он дыханьем того очага.

И к дереву на миг приник старик,
как будто к целой жизни прикоснулся...
И вдруг возник средь ночи детский крик,
а старый мастер тихо улыбнулся.

...Оплакивал ушедшего весь род,
соседи и друзья над ним скорбели...
Улыбка старого тесальщика живет,
пока кричит ребенок в колыбели.

* * *

Крик младенца горек был и звонок,
словно он рожден большой бедой...
Мать зовет заплаканный ребенок,
та ушла к колодцу за водой.

Домочадцы все у колыбели,
не поможет уговор ничей...
А они ведь столько просидели,
провели над малышом ночей,
не сомкнув встревоженных очей...
Что же это он, на самом деле?

Каждая минута как набат,
в доме суета и суматоха...
А младенец, он не виноват,
раз ему без матери так плохо.

Лишь она ступила на порог
с полным до краев большим кувшином,
вмиг покой, как яркий мотылек,
закружился над счастливым сыном.

* * *

Пыль столбом на дороге стоит...
От лугов
потянуло туманом, и стало темней...
И, сжимая зеленую плетку лесов,
ветер ринулся в гущу вечерних теней.
Неподвластен я ветру: пусть свирепствует,
пусты!

Не позволю себе ни отстать, ни устать...
Над деревней блуждает непонятная грусть,
как порою улыбка на женских устах.
В яркой лампе природы тускнеет накал,
и погаснет вот-вот красок солнечных свет...
Одиночества саженец, жалок и мал,
и рыдает и стонет за ветрами вслед.
И тропинка скользит, влагу неба впитав,
опьяненный дождем бесконечным,
стою...

Цапля осени, тонкую ногу поджав,
бьется мокрыми крыльями в душу мою.

* * *

В сторону ветку с лица уберу,
луч в полумраке засветится, словно
осени мудрой заветное слово
на заключительном пышном пиру.

Слепнешь от этой живой желтизны,
по перепутанным тропам плутая...
Осень как птица сидит золотая
на первобытной струне тишины.

Вдруг!.. Выстрел врывается в тишину
свистом безжалостного железа
и — разноцветная музыка леса
осиротела на ноту одну.

ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ

Деревья к небу тянут руки,
а листья падают к земле...
Дрожат дубы, озябли буки,
смирясь и покорясь зиме.

Дожди стучат неумолимо,
и ветви голые скрипят
так, будто пробегает мимо
табун смятенных жеребят.

От ветров листья опадают,
как будто золото с небес...
И ветры то приобретают,
что в этот миг теряет лес.

И листья, медленно слетая,
лес обнажают день за днем...
Так из огня взлетает стая,
а перья тронуты огнем.

Слетают листья друг за другом
своей чредою золотой...
Как полнятся глаза испугом,
так лес наполнен пустотой.

* * *

Ветер последние листья срывает
и торжества своего не скрывает.
Съежилось дерево полураздетое,
не возражая, не плача, не сетуя.
Меня обжигает его нагота,
как ледяная вода.
Но, может, об этом известно лишь ветру,
зачем обнажает он каждую ветку?
Тучи осенние, что вы наделали?
Ни листика больше нету на дереве...

Но ветер недаром гуляет в лесу —
осени голые ветви к лицу.

* * *

Приказали ветры
дубу покориться:
перед ними до земли
ветками склониться.
Дуб и бровью не повел,
и в ответ приказу
великанский мощный ствол
не качнул ни разу.
Отступили ветры... Все ж
пригодилась сила:
вся лесная молодежь
им поклоны била.

КОНЕЦ ОСЕНИ

Листьев шепот,
моря рокот,
неба хмурый-хмурый свод...
Это осень
в нотной оспе
жалобы мелодий льет.

Видишь, осень,
этот острый
ветра зимнего клинок?

Осень желтыми руками
выдает в дождливой гамме
свой последний злой аккорд.

В ЭТОТ НОВЫЙ ГОД

Я вновь приеду в этот Новый год
в свою деревню встретиться с друзьями.
И ноша лет еще в пути спадет,
как листья под осенними дождями.
Я снова воздух родины вдохну,
огнем воспоминания кипящий,
и сразу детство давнее верну,
как в новогодней сказке настоящей.
Я все начну с восторженных азов,
с младенческого мироощущенья:
...и снова шепот утренних лесов
и на камнях источника шипенье.
Еще неразличим в тумане сад,
еще тропу ищу в бурьяне тщетно...
Но диких яблок дерзкий аромат

мой детский мир мне возвращает щедро,
Перешагнув журчанье ручейка,
смотрю со склона на дома поселка...
И Новый год глазами очага
глядит оттуда, горячо и зорко.
Брожу, листаю вспять свои года
наедине с пылающим восходом,
но праздник долетает и сюда —
спешу домой на встречу с Новым годом.
Недаром мы его всегда так ждем,
является он с самой лучшей свитой:
как дерево живое, входит в дом
Тедо, плющом — так принято! — увитый.
Сейчас... — о, сколько раз во взрослом сне
мне грезилась она, минута эта! —
Ираклию, Нузгару, Кахе, мне
нальют стаканчик сладкого шербета.
Земля качнется, хлынет кровь к лицу,
и сердце заколотится от счастья...
Но... все приходит к своему концу,
и Новый год. Пришла пора прощаться.
Помолодевший на родном ветру,
спешу назад, к своим морским причалам
и снова кисть забытую беру,
держу, волнуясь, как перед началом.
Хотя давно я плотно пишу,
и на холсте вскипает зелень звонко...

Но снова я на город свой гляжу
глазами деревенского ребенка.

Город, он всегда в пути,
он шумит, как половодье.
Нервы улиц как поводья, —
трудно груз такой везти.

Город в завтра устремлен,
мчит без остановки город...
Лишь у памятников гордых
замедляет бег свой он.

ПОХОРОНЫ ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

Ветер застыл обелиском полету крылатому,
буря смирила свой гневный клокочущий нрав.
Внемля протяжному горькому звону набатному,
остановились все путники,

шапки с голов своих сняв.

И в тишине этой, долгой, весомой, пугающей,
море забыло высоты девярых валов...
Скалы застыли, как`скулы родных и товарищей,
преувеличив молчанье лесов и садов.
Вздохи пространство с земли и до неба измерили,
даже младенцы и те перестали кричать...

Это минута безмолвия древней Иверии,
это бессмертное сердце Мтацминды

задето опять.

ТБИЛИСИ

Ты — лира, никогда не умолкавшая,
чья струны, как дыхание, легки.
Я — капелька, нечаянно упавшая
с пылающей руки
твоей реки.

Я — искорка бессмертного горения,
как воздух, нужен твоему костру.
Могу погаснуть я в одно мгновение,
как маленькая свечка на ветру.

Но сколько вод века издалека,
о, город мой,
несет твоя река!

* * *

Ночь сомкнула крепко веки,
всколыхнулась тьма крылато,
улицы — как будто реки
на дождливой карте марта.
Небо тучами свисает...
Где ты, бог дождя, о боже?
И тепло камина тает,
как шагреновая кожа.
У деревьев ветви голы,
ветер в них стреляет с лета,
из колчана непогоды
стрелы достает без счета.

Звонки струи, словно струны,
песни их наивно нежны.

Мысли — новы, чувства — юны,
и уверенны надежды.

ВЕСНА В ТБИЛИСИ

Тучи подняты ввысь и лежат на плечах у горы,
слезы неба просохли под солнцем до дна,
и вливается в город широким притоком Куры
и бежит, как ручей, по проспектам весна.

Ветры в платьях тбилисских красавиц шуршат,
капли падают с неба — из чаши тепла.
Как ресницы у девушек, тени дрожат,
и сверкает вся улица, как из стекла.

А по улице девушка куда-то спешит,
высоко свою голову по миру неся,
и, как горная лань,
 вслед за нею бежит
эта улица, светом пронизана вся.

Улыбается девушка — весна на губах!
И мне кажется: это идет не она
на высоких, летящих своих каблуках,
а сама красота и... весна.

МАЛЕНЬКИЙ ХУДОЖНИК

Сыну Мурзакану

Ты несешь мне свой рисунок,
у тебя серьезный вид,
ждешь ты, как отец рассудит:
улыбнется, промолчит?
Я смотрю на твой подарок,
самый лучший сувенир...
Неожиданен и ярок
здесь запечатленный мир:
горы, как хлеба на блюде,
и пышны, и высоки;
мчат деревья, словно люди,
чтоб напиться из реки.
В небе радуги литые
всеми красками горят,
в речке — рыбки золотые,
а над ней дома стоят.
Сквозь кустарник, как сквозь сети,
морды высунув слегка,
любопытствуют медведи:
«А куда бежит река?»
Сквозь туман, воздушный, пенный,
течь и течь реке теперь...

Мир навек озвучен песней
кисти маленькой твоей.

ГРУЗИНСКАЯ РЕЗЬБА

Душу глазастый ромашковый луг
светом пронзает насквозь,
в каменном чуде рождается вдруг
тугая прозрачная гроздь.

Брызнули краски в мир голубой
юным сиянием после грозы.
Так красоту увенчала собой
терпкая песнь
виноградной лозы.

* * *

Мать этих двух ребят
минуты покоя не знает:
утром приводит их в сад,
а вечером забирает,
ведет, торопясь, домой,
шаги, суетясь, считает...
Растянет день, как гармонь,
а дня все равно не хватает.
Хлопотам и делам
нету конца и края...

Но кажется малышам:
у мамы игра такая!

МОРЕ

Море своим величием нас
поражать не устало.
Недаром весь мир однажды потряс
мираж девятого вала.

Дыханье его, как древняя речь,
возвышенно и тревожно...
Можно и море вплавь пересечь,
и все-таки... невозможно!

НАДЕЖДА

Исчезла ночь за плавным склоном взгорья,
чтоб повторить виток своей орбиты.
Притихло вдруг бушующее море,
как полководец, чьи войска разбиты.
Пытается пробиться безуспешно
сквозь тучи луч, а сам мерцает еле...
Но в сердце просыпается надежда,
как поутру ребенок в колыбели.
Волна о берег так спокойно бьется,
громады туч ее не обманули...
Свеча луча вдруг вспыхнула, как солнце, —
ветра ее старательно раздули.
Пытаться втиснуть было бы нелепо
в морской простор себя и свои мысли...

Вибрирует, как проволока, небо,
и голуби надежд на нем повисли.

ЛЕТО НА МОРЕ

Небо пышет, как пекарня, —
полдень выдался такой:
ни до тела, ни до камня
не дотронуться рукой.

Опустили пальмы книзу
листья, томным сном шурша.
И — от крыльев чайки! — бризу
рада исподволь душа.

А у засухи все та же
изнуряющая суть,
но ритмично дышит пляжа
парусиновая грудь.

От жары спастись нечем, —
девушка лежит без сил...
Вдруг моряк широкоплечий
зной собою заслонил.

ШУРШАЩЕЕ МОРЕ

Шуршало море у откоса,
спокойно споря с тишиною,
как будто крылья альбатроса
вдруг раскрывало предо мною.
Шершаво пенилось у мола
волной, как бытие — минутой...
И сам я был частицей моря,
последней каплей в чаше мудрой,
Окно, распахнутое мною
в его спокойное биенье, —

незримый мост над глубиною,
прозрачный парус вдохновенья.
Но, колыхавшаяся сонно,
пучина с яростью слепую
вдруг на дыбы встает взбешенно
и замирает над собою.
И в этот миг мне показалось,
что, все предчувствовать умея,
сразиться море побоялось
со стариком Хемингуэя.

БАЛЛАДА О РЫБАКЕ

Он жил в этой хате, обычный рыбак,
знал он и счастье и горе.
Умел понимать, кто друг, а кто враг,
его научило море.
Он жил, как морская волна, одинокий,
как рыба, в морском поселе...
От зноя чернел он, под ливнями мок,
но разлучиться с морем не мог,
влюбленный в него до боли.
Он шторм не один на веку повидал,
не раз встречался со смертью, —
опасности парус над лодкой витал,
но победителем он считал
себя и с пустою сетью.
Когда над ним хохотал прибой,
как дьявол, нырнувший в воду,
он шел, недовольный самим собой,
кляня судьбу и погоду.
Он нес домой необычный улов:
надежду свою рыбачью,
да синий грохот морских валов,

да завтрашнюю удачу.
А разве утетишь этим семью,
этим накормишь разве?
Почти всегда не хватало ему
соли, рыбы и ряби...
Он жил в этой хате, простой рыбак,
знал он и счастье и горе.
Умел понимать, кто друг, а кто враг,
его научило море.
...Открыта дверь и открыто окно,
лишь ветра посвист осторожный,
как будто пробито смоленное дно
лодки его надежной.
Больше с улыбкою на губах
он нас не встретит у мола...

Жил в этой хате обычный рыбак —
капля нашего моря.

ДАИСИ¹ НА МОРЕ

Солнце уходит, молча
целуя землю и море.

И там, где море кончается,
где лишь небесный простор,
медленно разгорается
величественный костер.

И там, где небо кончается,
где морю предела нет,
долго в воде качается
ушедшего солнца след.

¹ Д а и с и — закат.

Море застынет немо,
к небу подняв глаза...
Потом вдруг прыгает в небо,
собою костер гася.

* * *

Море такое синее,
доброе и спокойное,
блаженное и бессильное,
самим собою полное
от берега и до вечности...
А солнце от жара мучится,
водою морскою лечится:
может быть, и получится.
Прибрежные ели печалются,
им хочется в море кинуться,
рвут корни свои из песчаника,
но им и на дюйм не сдвинуться...
А чайка кричит пронзительно,
а кто-то поет за веслами...
Ну, словом, все поразительно
сегодня с утра над плесами.
Пусть августа зной безжалостен,
но море такое синее...
Все так... Посмотри, пожалуйста!
Все так... Описать не в силах я...

КОГДА НЕ ХОЧЕШЬ ДУМАТЬ НИ О ЧЕМ

А с вами так когда-нибудь бывало,
когда не хочешь думать ни о чем,
а хочешь безмятежного привала:
лежать — и все, упав в траву ничком?
И в высь смотреть бессмысленно и сонно,
смотреть — и все, без сердца и ума,
и не гадать, зачем с крутого склона
шагают к морю белые дома?
И почему так гневается море
и лезвиями волн молчанье рвет?..
Не глядя, видеть парус на просторе
и чайки неразгаданный полет.
И хочется лежать так долго-долго,
не радуясь, не мысля, не ропща...

...В такие дни в нас будто что-то смолкло.
А что?
Давайте думать сообща!

* * *

Лето... Море волны гонит,
видно, сил невпоровот...
Как ребенка, знойный город
тихо на руки берет
и качает нежно-нежно
каменного малыша...
А душа его мятежна,
и стремится неизбежно
к бесконечности душа.
Беспокойство голубое
о песчаный мол круша,

пляж, как существо живое,
дышит, галькою шурша.
Но едва завянет лето
и настанут холода,
из лазоревого цвета
станет черною вода.
И такая перемена
с морем вдруг произойдет:
море будет непременно
делать все наоборот.
И за криком мокрых чаек
в час предгрозовой зари
тучи черные причалют,
как большие пузыри.
Море свист ветров осердит,
и оно вобьет ко дну
кулаками волн осенних
летнюю голубизну.

ОСЕНЬ В ПРИМОРСКОМ ПАРКЕ

Парус облака лето смахнул в море серое,
по аллеям бесчинствует непогодь первая.
И чинары у всех на глазах
постарели
и вкрапились, как пряди седые,
в зеленые ели.
Ветры кружатся стаей ворон над чинарами,
те дрожат под жестокими злыми ударами,
и в течение дня их стволы опустели —
на зеленые ели листья желтые сели.
Зашумели деревья над осенней водою,
растревожены ели чужою бедою.

Скрипя, друг о друга они ударяются,
словно в озере плот по бревну распадается...

А чинары стоят, а чинары не знают:
ели листья убитые их поминают.

* * *

Море,
берег пуст без людей и сетей,
сад раздет, в небе чайка повисла
усталая...

Холод
входит в тебя до костей,
и стоит тишина небывалая,
над величием моря царя
и морскому безмолвию вторя...
Удивляешься мужеству моря
в кандалах января.
Так пустынно...
Лишь в злобе слепой
ветер вновь на прибой нападает,
тихо пальмы шуршат...
И собой
зимний дождь пустоту наполняет.

* * *

Крылья чаек скрыли небо,
море как из серебра...
«Что, опять не будет снега?» —
вопрошает детвора.
Я не нахожу ответа,

хоть совсем не виноват,
что опять зима — и эта! —
не одета в снегопад.
Разлита над миром нега,
очень солнечно с утра...
«Что, опять не будет снега?!» —
вопрошает детвора.
Детский гнев я принимаю,
близкий к истине самой.
Понимаю, понимаю:
детям нужен снег зимой.

Я пытаюсь безуспешно
объяснить им наперед:
«Пусть пока вокруг бесснежно, —
неизбежно, неизбежно
к вам зима еще придет...»

* * *

Мой маленький сын
трещит и трещит
игрушечным автоматом,
свой маленький палец
не убирает с курка...
Зачем ты сжимаешься, сердце,
от боли и грусти?
Ведь это игрушка,
она понарошку стреляет,
она не похожа
на тот, незабывтый,
плюющийся смертью,
железный, жестокий,

на тот автомат,
простреливший когда-то
наивное детство мое!..

ВСПОМИНАЯ ДЕТСТВО

Почка детства, давно ты раскрылась уже
и листочком бессмертным трепещешь в душе.
Вспоминаю суровую зиму твою
и заботу соседа опять познаю:
он всегда бескорыстно отдать был готов
сироте и краюху и ласку без слов.
Но недаром так рано узнал я о том:
сладок хлеб, если он заработан трудом.
Я крестьянскою страстью был полон тогда,
а рука у соседа тепла и тверда,
а поля меня к будущим далям вели,
к пуду соли добавив щепотку земли.
Куковала кукушка в зеленой тиши,
от души мне советуя: «Сей и паши!»
Не забыть мне счастливого мига, когда
мне набила мотыга медали труда.
Не забыть мне и этого тоже вовек,
как в руках моих вздрогнул самый первый побег.
Но... заплакала в поле рососою трава,
но... застряли у каждого в горле слова...
Так — будь проклята всеми во все времена! —
в моем детстве поставила точку война.
И хотя не один минул трепетный год,
до сих пор что-то детское в сердце живет.
Удивляются этому часто друзья:
как ребенок большой, поступаю вдруг я.
Удивляться не надо, виновна война:
в детстве детства не смог получить я сполна.

как сделать,
чтоб всегда земля отцов
в себе несла бескомпромиссность сабли
и нежную беспомощность цветов?

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

Ночь...

Фосфоресцируют форточки...

Дом в сон погрузился, ослаб...

Дымит в очаге дождями заплаканный граб...

И ветер, как мальчик озябший,

сидится на корточки.

Чердак по-совиному окнами тяжело моргает,

и тиканье ходиков тени ночные пугает.

Лунное небо как юное тело мадонны.

Щели в стене, как глаза инвалидов, бездонны.

Бродят по комнате блики —

ночные калеки:

скрипят костыли, и трещат, подгибаясь, колени.

И лает собака, одна среди зимнего мрака,

и лишь для того, чтобы миру сказать:

я — собака.

Потом... А потом каждый шорох за окнами звонок,

и медленно дом просыпается,

словно голодный ребенок.

ПОСЛЕ БУРИ

Грохот последний над тишиною —

тучи взорвались! Быть облакам...

Небо оперлось о горы спиною,

чтобы покой дать усталым ногам.
Обвили стволы виноградные лозы,
словно закрыли собой от беды,
и раны бинтуют они, как медсестры, —
оставила буря повсюду следы.
И саженец, выживший после погрома,
чистому небу рад, как никто...
На старом грабе повисла солома,
как разоренное бурей гнездо.
Как оборванцы, на фоне лазури
скалы в проплешинах леса стоят...
И только, как эхо умчавшейся бури,
с грохотом падает вниз водопад.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Возник ты в середине века,
мой век! Твой рост — до самых звезд...
Ты с человеком человека
соединяешь, словно мост.

Суров и весел твой характер,
в тебе грядущее кипит.
Как пограничный столб галактик,
ты космонавтом в небо вбит.

ОГОНЬ

Его язык — древнейших звуков хор,
а цвет веков палитру сохраняет.
В короткий миг возник он и с тех пор,
как вечность,
окончания не знает.

Он с холодом сражается зимой
и ночь своим прозреньем озаряет...
И словно отрицанье тьмы самой,
клубится дым и где-то в небе тает...

ГОРЫ

На море похожа гор наших жизнь,
они свой поход начинают с равнины:
как волны из камня, торопятся ввысь,
спешат друг за другом вершины.

Как нас восхищает их твердый прибой,
упрямая гордость!
Поднимутся,
солнце закроют собой
и... падают в пропасть.

ТЕНЬ

Жизнь других — ее основа,
для нее запретов нет.
Как затасканное слово,
тащится за нами вслед.

Нам досадно? Ну и ладно:
прочь прогнать ее невмочь...
И всегда она прохладна,
и всегда черна, как ночь.

Все повадки наши помня,
за спиной она весь день.

Лишь высоким светом полдня
можно обезглавить тень.

* * *

Июльский день бредет, как странник,
к вершинам солнце мчит, как всадник.
И мир, как жизнь сама, велик.
И стоит жить, чтоб виноградник
к тебе на миг один приник.
Я — вера этих лоз росистых,
я — враг любого сорняка,
я — думы нив, звенящих, чистых,
я — дым родного очага.
Я — всех своих ошибок мельник,
за все ответственен вдвойне.
И пусть завидует нахлебник
моей соленой целине.
Все, что с дороги ясной сбились
для призрачного бытия,
пусть знают: я — земли кормилец,
она — кормилица моя.
Как дождь, зерну себя несущий,
его за жажду не вина,
я понимаю хлеб насыщенный,
как понимает он меня.

Неужто солнце вновь надолго скрылось
в пушистые большие облака?
Неужто из-под их бровей нависших
оно — хоть раз! — не взглянет на меня?
Что ищет солнце в облачной метели?
Быть может, солнце хочет отдохнуть?
Наверно, солнцу тоже нужен отдых...

Пусть отдыхает на моем лице!

В САДУ

С тропинки на тропинку
идет зеленый сад,
и каждую травинку
поцеловать он рад,
и каждую дождинку
весеннего дождя...
И прыгает дитя
с тропинки на тропинку.
Оно одну смешинку
несет, как солнца свет...
И хочется мне вслед
с тропинки на тропинку,
с тропинки на тропинку...

* * *

Малыш Гигашвили
сегодня два шага подряд
сделал по дому, отважно и четко...
Только об этом теперь говорят
мать и отец,
бабка и дед,
нянька и тетка.
Они говорят, говорят, говорят,
а «тема» их разговора
шагает по дому день весь подряд,
легко и проворно.
Сделал привал Гигашвили-малыш,
привстал и плечи расправил,
и...
крышу их дома выше всех крыш
в небо направил¹.

* * *

На равнине, в горах, где ни ходят,
и в лесу, и под крышей, и в поле,
мертвых птиц дети часто находят,
и трепещут сердца их от боли.

Что-то дрогнет в их маленьких нервах,
кто-то вскрикнет в их душах надсадно, —
ведь мертвы эти птицы, во-первых,
во-вторых, детям смерть непонятна.

¹ И д н о м а, означает большую семейную радость.

Долго спорят и думают долго,
непривычная грусть ими движет:
почему эта птица замолкла?
почему не летает, не дышит?

В чем она, перед кем виновата?
Как сказать несмышленишам бедным:
смерть пернатых порой — лишь расплата
за стремленье к высотам запретным?..

* * *

В вороньем гнезде вороненок сидит,
а не горлица.
В вороньем гнезде вороненок по-взрослому
горбится.
Клюв, жесткий и сильный, у этого ворона вырастет,
когда из гнезда он на крыльях на сумрачных
вылетит.
А когти такие обычно бывают на вороне...
Вы, если хотите, сейчас их увидите:
вон они.

БАЛЛАДА О ЗЕЛеной ТРАВЕ

Едва трава успела прорасти,
как тут же удивилась и решилась:
«Сегодня же хочу я обойти
весь этот мир, где, к счастью, появилась!»
И поползла она и в тот же миг
вдруг поняла: росой тропинка жжется...

И шуршит над крыльями твоими —
над святыми — синевы тростник.
Пташка хлопотливая моя,
так поешь беспечно почему ты?

Тоненькая свечка бытия —
ответ вечности одной минуты.

* * *

Июльский зной разжег пожар цветов.
такой, что не вмещается в глаза.
Растеряны пожарные лугов —
божья коровка, шмель и стрекоза.

Пчела сплела из золота силки,
желая в плен свой солнце захватить,
склоненное над заводью реки,
чтоб лоб горячий
полдню остудить.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Выси горные дымились
и туманились слегка,
а потом дожди пролились,
и на небо, в облака
ветер даже лает, вроде,
никакого сладу нет,
как собака на охоте
улетевшей дичи вслед.

Там, где струи бились хмуро,
бликов разноцветных рой
вводит нас, как увертюра,
снова в солнечную роль.

* * *

Пробуждение ребенка
в теплом утреннем тепле
как цветенье миндаля
под большим крылатым солнцем.
Просыпается ребенок...
В розовую вазу мать
ставит собранные утром
сны садовые — цветы.
В доме, словно гимн рассвету,
долго длится тихий шорох
этой утренней минуты.

* * *

Ветер смолк... Блестит в тумане
предрассветная роса.
У девчонки на поляне
ежевичные глаза.

В зарослях девчонка лазит,
ежевикой губы красит.

Может, так оно и будет?
Признаюсь, что я не прочь,
если мать домой не пустит
перемазанную дочь.

Я бы с радостью великой
сплел бы ей шалаш в ветвях,
ей — девчонке с ежевикой,
с ежевикой на губах!

* * *

Солнце заходит...
Дорога все дальше уводит,
шагать на закате легко...
Все правильно —
солнце ведь только заходит:
до мрака еще далеко.

Солнце заходит,
заходит,
заходит...
В краске пурпурно-глубокой
теряет оно высоту...

Но если зайдет оно, этой дорогой
я никогда не пойду.

* * *

В лесу на ощупь, слепо бродят тени,
в чащобах спотыкаются дремучих,
стараясь скрыть,
как расцарапаны колени
бессонными ресницами колючек.
Не росы с неба падают на крыши,
а бусы снов с разорванной ниткой.

От суеты незримой вдвое тише...
Туман ползет шуршащею улиткой.
Внезапно крик совиный раздаётся
в дубравах, где зелёный смысл таится...

И тело чёрной мягкой ночи бьётся,
как только что зарезанная птица.

ВОСХОД ЛУНЫ

Когда Вселенная застынет на мгновенье,
в туманном сумраке луна проснется,
в испуге сердце у меня забьётся:
как детский шарик,
вдруг она взорвется,
когда на гору острую наткнется?..

* * *

Ущелье облако роняет,
как щит разбитый... И луна,
словно монахиня, бледна,
Казбек полуночный седлает.

Леса в долинах спят, тихи...
И под взошедшею луною
мерцают тропы белизною,
как за спиною башлыки.

И небо детский смех — точь-в-точь! —
напоминает светом ясным...

ЗАБРОШЕННАЯ ДОРОГА

Вздрыгнула она, когда
на нее поставил ногу...
Словно шумные года
оглушили вновь дорогу.

Дева старая вот так
вдрыгнет, опустив ресницы,
если ей в любви чужак
объяснится просто так,
а потом и сам стыдится.

ТОПОЛЯ

Стоят тополя, одиноки всю жизнь,
пути проторяя века
лишь к звездному небу,
лишь в знойную высь:
бесплодия ноша легка.

Молчат тополя белым днем и во мгле,
в безмолвие погружены.
И нет ни морщинки у них на челе:
как мрамор, ровны,
холодны.

Стремят тополя испокон только вверх
бездумную юность стволов.
Им чужд, непонятен мозолистый век
сугулых двужильных дубов.

ЦВЕТЫ

Взойдя из малого зернышка
прообразом красоты,
как наше ручное солнышко,
с нами всю жизнь цветы.
В них все воплотилось прекрасное:
свиданий священный срок,
и дух домашнего праздника,
и ревности смуглый бог.
И яркий сон вдохновения,
и призраки вешних гор,
и летних полей волнение —
мира всего узор.
С цветами любишь и каешься,
они — твой спутник и друг...

И только цветы на кладбище
мертвы, как и все вокруг.

* * *

В полночь вчера умер столетний Нико.
Среди двора струны оркестра горюют,
как будто на сумрачных ветках кукушки
рыданий которых прервать не решится никто. кукуют,

И вдруг светлячком загорается в траурной мгле
любовная песня... Поет ее кто-то кому-то
самозабвенно и так вдохновенно,
как будто
двое их только на этой огромной земле.

Навстречу друг другу мелодии устремлены:
медленно скорбь уплывает, а радость ликующе
взмыла...

Вижу я где-то на самой окраине мира
точку, в которой они пересечься должны.

Встретятся радость и грусть.
В унисон
будут звучать, пока эхо не смолкло,
и проживут еще вместе недолго,
как мимолетный
предутренний сон.

* * *

Нам не уйти от стрел амура,
в своем искусстве он велик.
Живем то солнечно, то хмуро,
как нам любимая велит.

Она порой проходит мимо,
порою — солнца горячей...
Душа ее неуловима,
как переливчатый ручей.

МАРТОВСКИЙ ДОЖДЬ

Дождь идет...
Солнце скрылось за облаком.
Дождь идет...
Нескончаемый мартовский дождь...
Солнце вышло, до нитки промокшее в тучах,
и моргает ресницами длинными-длинными...

Дождь идет,
будто плачет красивая женщина,
бесконечно уставшая
от ревнивого старого мужа,
как от дождя.

* * *

Девушка на пляже — демон обнаженный,
равнодушия цветок, нежности лишенный.
Кажется: она одна на Земле как будто...
Кланяются ей волна,
звездной ночи тишина,
розовое утро.

Кажется: с нее одной этот мир весь начат.
Ей подчинены вокруг
тени бледные подруг,
враг, и друг,
и старик, и мальчик.

Кажется... А вдруг она
навек останется одна?

ТОЛЬКО ТЫ...

Солнце встало, родившись в далеком краю,
подсказало: пора торопиться!
И упала тогда на дорогу мою
тень, как кем-то подбитая птица.
Солнце майское плыло, меня торопя,
и само торопилось как будто...

Просто я повстречал в это утро тебя,
мое самое светлое утро!
Горизонт был, как дальние горы, высок,
он поднял нас над пропастью буден...
И открылся тогда мне дорог всех исток,
у которого устья не будет.
И надежда зеленой травой легла,
синевой распахнулась свобода...

Только ты,
только ты подарить мне смогла
нежность трепета, силу полета.

* * *

Можешь представить на миг один,
моя черноокая, лес без ветвей,
без трепета крыльев полуночных птиц?

Если представишь, увидишь, каким
было бы древо жизни моей
без взмахов твоих ресниц.

* * *

Я давно без усталости скитаюсь,
ветрена ли ночь или тепла.
Если на Мтацминду поднимаюсь,
думают, что я ищу тебя.

Клятва не исчезнет с полуслова,
меж землей и небом прочна связь.

Просто ты играешь в прятки снова,
словно в детстве, рядом затаясь.

Песня, что с годами не забыта,
бродит где-то, полная огня...
Верю, что вот-вот услышу:

«Чита!»¹ —

это ты окликнула меня.

СПУСТЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Все было — сумерек игра:
тревоги острая игла
пронзала душу... Та спала
спокойно, как дитя.
И в этом сне вдруг ты пришла...
Вчера?
Нет, двадцать лет спустя.

Туман Мтацминду обнимал,
себя в лучах дробя,
и сон нам роли поменял:
ночной двойник твой умолял
меня — любить тебя!

Свет утра этот сон прервал,
но твой оставил грим.
И целый день я роль играл,
навязанную им!

¹ Ч и т а — здесь: «Я — тут!»

* * *

Если рыдает красивая женщина,
плач ее в сердце оставит следы...
Из глаз ее сыплются слезы божественно,
как с ветки невиданной чудо-плоды.

Но утешители сразу находятся,
с первым же словом их наверняка
у подбородка слезинки расходятся
надвое, словно у камня река.

Соленая влага недолго мерцает,
уже осветилась улыбкой щека...

Горячие слезы земля охлаждает,
земля все впитает —
она глубока.

* * *

Склонилась девушка к колодцу,
а из него, как из окна,
точно такая же смеется,
и в бревна сруба глухо бьется
невидимая глубина.

Ах, как достать бы, вот в чем дело,
ту, что в воде отражена,
чтобы один раз поглядела
на молодость мою она!

Пусть сумасбродная затея,
но я рискну и зачерпну...
А если выйдет, то затем я
достану следом глубину.

Апрель на звонкий плуг похож,
я, как зерно, земле обещан,
и чудом кажется мне дождь
из-за красивых женщин.
Тут говори не говори, —
мир полон знаньем вещим:
теряли свой престол цари
из-за красивых женщин.
Здесь хоть молчи или кричи,
но не поможешь горю.
Смотрю на ломкий свет свечи
и сам с собою спорю.
Зачем на лицах чаровниц
глаза в прищурах узких?
Чтоб за решеткой их ресниц
я жил как вечный узник.
Найду ли вдруг богатый клад,
который мне завещан, —
теряю больше во сто крат
из-за красивых женщин.
Года листая наугад,
мы от страстей трепещем,
свой приближая листопад
из-за красивых женщин.
Я не считал дорог своих,
искал спасенья — грешен!

...Лишь гром на небесах моих
из-за красивых женщин.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

Мне эхо гор гортанно прокричало:
«Сын у тебя родился! Сын родился!»
И в небе сотня солнц затрепетала,
и день вдруг, как дорога, удлинился.
Потом ходить учился мой мальчонка,
руками взрослых связан, точно пленный...
И первые шаги его прочел я,
как маленькую летопись вселенной.
Я знаю: все стремительно на свете,
я знаю: все на свете повторится...
Когда-нибудь у сына будут дети
рождаться и, как он, ходить учиться.
Когда-нибудь и мой черед настанет,
придет конец стокрылого полета,
когда-нибудь мои глаза затянет
последняя пурпурная дремота.
Но буду ждать я сказочного мига,
чтоб возвратилось бытие земное...
И мир, как недочитанная книга,
раскроется еще раз предо мною.
Опять пройду свой путь от колыбели
до самого крутого перевала...

...О, сердце, ты бездонно в самом деле,
раз наперед такое загадало!

* * *

Я по жизни с беспечностью удалой
не ходил, птицу юности вдаль торопя.
Ну, а ты и не помнишь улыбки былой,
и вчерашняя рана не мучит тебя.

Ночь исходит, как потом, холодной росой
и шумит, как базар, все швырнув на весы...
И все роется память надоевшей осой
в сундучишке твоей отшумевшей весны.
И не зря сундучок обнажил свое дно:
в нем то холод, то зной,

то обрывки тряпья...

Ты — книжонка, написанная давно,
а я — ветер, который листает тебя.

* * *

Забуду холода, забуду все дожди
и моря штормовые пляски,
и будут иногда там, где-то позади,
мерцать воспоминаний краски.

Божественных минут нездешняя заря
когда-нибудь сотрется с небосвода,
и в старом очаге уляжется зола,
устанет и отстанет непогода.

И только сердца пульс,
и только боль души,
и только мысли вечное бунтарство...
Для этого живи.
Для этого пиши.
Стихи вне времени и вне пространства.

* * *

Приказало Время, как жить дальше...
Принял я приказ его в штыки:
плотовщик не доверяет так же
бурному течению реки.

* * *

Когда молчу, то все решают так:
я потерял какой-нибудь пустяк.
Когда тревожусь, все решить спешат,
что потерял я драгоценный клад.
Когда смеюсь, то говорят теперь,
что я скрываю горечь всех потерь.

Наивные глупцы! Как жаль мне вас!
Вчера потери были и сейчас.
Я завтра потеряю что-нибудь...
В потерях вижу я иную суть.
Я, может быть, лишившийся всего,
теряя, не теряю ничего!

И я всегда в своих потерях прав:
нельзя приобрести, не потеряв.

* * *

Весь звездами вышит, свод неба блестел
литаврой грядущим победам.
На дереве юности я шелестел
зеленым и гибким побегом.

Октавы дождя с гениальной руки
весна мимолетно роняла...
Бессонная ночь одинокой строки
неволью к земле прижимала.
Была в этом самая высшая суть:
в неведомый край вдохновенья
я начал торить свой особенный путь
с петляющей тропки сомненья.
И девушек всех от случайного зла,
от непоправимых свершений
безбожность молитвы моей берегла
и солнечность улиц весенних.
И как это было у всех испокон,
живя опьяненно и грустно,
я крал поцелуи, как блики с икон,
в предчувствии первого чувства.
С собою тоску я повсюду таскал,
как мальчик богатства в карманах...
Все, что ни придумал, по ветру пускал,
искал утешенья в обманах.
И боль постоянная в сердце жила
колючим пределом свободы...
Ах, милая! Что за погода была
в те неповторимые годы!

* * *

Знал я:
в недрах земли болит
не найденный мной родник.
Уж он-то жажду мою утолит
за миг, за один лишь миг.
Подумал я:
для цветения лоз

тоже пужна вода...
Кирку тяжелую взять пришлось
в руки свои тогда.
И зазвенела моя кирка,
не уставала моя рука
в поисках родника.
Все удивились наверняка,
когда пролилась... река.

Исканий дни далеко позади,
трудности впереди:
ведь есть слепцы, для которых пока
не существует моя река.

* * *

Ветер рвет со стен афиши,
снег на крыше прикорнул...
Став спокойнее и тише,
город ворот расстегнул.
На твоей руке снежинка,
как росинка на траве...
Ветер, песню нам сложи-ка
о зиме и о Москве.
От суровости морозной
этой ночью голубой —
так по-братски! —

Маяковский
защищает нас с тобой.
Он стоит на пьедестале,
над Москвою вознесен...
То, что мы недосказали,

нам в ночи подскажет он.
Парус мысли реет гордо,
уплывает — не догнать...

И опять осталось что-то,
что нам надо досказать!

СОДЕРЖАНИЕ

• Жизнь — очень длинная дорога...»	3
Родник	3
• Сиду в поезд...»	4
Памяти матери	5
Возвращение в родное село	6
• Весной, когда кукушка закукует...»	7
• Когда-то здесь...»	8
• На ветке той...»	9
• Как облака торжественны...»	9
• Рассвето!...»	10
Утро в Алазанской долине	10
• На винограднике крестьянин...»	11
• Не избавиться от ветра...»	12
Ангел Кинцвиси	13
• Когда наступает вечер...»	14
• Птичка-невеличка...»	14
Зимняя ночь в деревне	15
• У снега так глаза блестят...»	16
• Снег идет...»	17
• Хрупки и небо и земля...»	17
• Небо опустилось...»	18
Зимняя картинка	18
• Этой полночью как раз...»	19
• Снег таял...»	19
• Апрельское солнце...»	20
Светицховели	20
• Как будто бы юная, нежная...»	21
Вечер в горах	21
• Дождь весенний так спешит...»	22
• Что ж вы голову склоняете...»	22
• Ночь. Деревня...»	23
Речка	23
• Тысячи пчел налетели на луг...»	24
Одинокий путник	24
• Где-то кукушка...»	25

«Голубой дымок вечерний...»	26
Смерть тесальщика колыбелей	26
«Крик младенца горек был...»	27
«Пыль столбом на дороге стоит...»	28
«В сторону ветку с лица уберу...»	28
Падают листья	29
«Ветер последние листья срывает...»	30
«Приказали ветры...»	30
Конец осени	31
В этот Новый год	31
«Город, он всегда в пути...»	33
Похороны Галактиона Табидзе	33
Тбилиси	34
«Ночь сомкнула крепко веки...»	34
Весна в Тбилиси	35
Маленький художник	36
Грузинская резьба	37
«Мать этих двух ребят...»	37
«Город в окна швыряет...»	38
Открытие памятника	38
Море	39
Надежда	39
Лето на море	40
Шуршащее море	40
Баллада о рыбаке	41
Даиси на море	42
«Море такое синее...»	43
Когда не хочешь думать ни о чем	44
«Лето... Море волны гонит...»	44
Осень в приморском парке	45
«Море, берег пуст...»	46
«Крылья чаек...»	46
«Мой маленький сын...»	47
Вспоминая детство	48
«Несут художники мольберты...»	49
Герой	49
Воспоминание о войне	50
После бури	50
Двадцатый век	51
Огонь	51
Горы	52
Тень	52
«Июльский день бредет, как странник...»	53
«Неужто солнце...»	54
В саду	54

«Малыш Гигашвили...»	55
«На равнине, в горах...»	55
«В вороньем гнезде вороненок...»	56
Баллада о зеленой траве	56
«Пташка хлопотливая моя...»	57
«Июльский зной разжег...»	58
После дождя	58
«Пробуждение ребенка...»	59
«Ветер смолк...»	59
«Солнце заходит...»	60
«В лесу на ощупь...»	60
Восход луны	61
«Ищелье облако роняет...»	61
«Вдаль меня умчит...»	62
«Глаза у цыган...»	62
Заброшенная дорога	63
Тополя	63
Цветы	64
«В полночь вчера...»	64
«Нам не уйти от стрел амура...»	65
Мартовский дождь	65
«Девушка на пляже...»	66
Только ты...	66
«Можешь представить на миг...»	67
«Я давно без усталости скитаюсь...»	67
Спустя двадцать лет	68
«Если рыдает красивая женщина...»	69
«Склонилась девушка к колодцу...»	69
«Апрель на звонкий плуг похож...»	70
Человеческое сердце	71
«Я по жизни с беспечностью удалой...»	71
«Забуду холода...»	72
«Приказало Время...»	73
«Когда молчу...»	73
«Весь звездами вышит...»	73
«Знал я...»	74
«Ветер рвет со стен афиши...»	75

Мириан Мирнели
(*Мириан Михайлович*
Циколиа)

СОЛНЦЕ В ТРОСТНИКАХ

М., «Советский писатель», 1983, 80 стр.

План выпуска 1983 г. № 290

Редактор Э. В. Балашов

Худож. редактор Д. С. Мухин

Техн. редактор Ю. Н. Чистякова

Корректор Т. Н. Гуляева

ИБ № 3627

Сдано в набор 07.12.82. Подписано к печати
22.03.83. А04049. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип.
№ 1. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. л. 3,50. Уч.-изд. л. 3,03. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 12588. Цена 35 коп.

Издательство «Советский писатель», 121069,
Москва, ул. Воровского, 11
Типография издательства «Коммунист», 410002,
г. Саратов, ул. Волжская, 28

4

Г